

DOI 10.35775/PSI.2025.120.8.010

УДК 32

Л.И. КАБИРОВА

аспирант кафедры сравнительной политологии

МГИМО МИД России, Россия, г. Москва

E-mail: leisan.kabirova.98@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8157-4713

С.С. КУЗНЕЦОВ

эксперт кафедры дипломатии

МГИМО МИД России, Россия, г. Москва

E-mail: vegir2012@yandex.ru

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Цифровые сервисы приобретают особую значимость в условиях курса на цифровую трансформацию, взятом в КНР и в России. В этой связи важно проанализировать особенности моделей развития цифровых сервисов в обеих странах, понять роль государства и частных структур. Цель данной работы – сравнить «китайскую» и «российскую» модель развития цифровых сервисов, выявить их отличительные особенности и перспективы. Методологические основания исследования включают в себя неоинституциональный и цивилизационный подходы. Комплексный анализ политических, экономических и культурных факторов, влияющих на выстраивание модели развития цифровых сервисов, позволит не только повысить эффективность внедрения цифровых технологий, но и создать устойчивую основу для их дальнейшего развития в рамках глобальной цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые сервисы, цифровые экосистемы, китайская модель, импортзамещение в России, Alibaba, Wechat, Yandex, «Госуслуги», цифровизация.

Введение. В современном мире стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) обуславливает формирование нового вида пространства, в рамках которого строятся как новые виды человеческих и социальных отношений, так и находят свое альтернативное выражение вполне традиционные форматы транзакций и коммуникаций. Речь идет о информационном или киберпространстве, где проецируются основные проявления деятельности человека и создается специализированная инфраструктура, делающая данный процесс возможным. Здесь разграничим информационное и киберпространства по ключевому признаку: информационное пространство являет собой новую оболочку взаимодействия с информацией на глобальном уровне, в то время как приставка кибер – означает саму инфраструктуру работы с информацией.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15; 16; 17; 18; 20; 21; 22].

Однако проблему, связанную с политикой государств по формированию различных моделей цифровизации, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Отметим, что информационное пространство было важной частью бытия человека на протяжении всей его истории, однако, с появлением в XX веке электронно-вычислительной техники значимость информационной сферы еще больше увеличилась на фоне изменений в ее архитектуре. В настоящее время важна уже не столько сама информация, сколько ее качество, своевременность получения и, главное, скорость ее обработки и дальнейшего распространения в модифицированном виде с определенными целями. Формируется культура работы с информацией, неразрывно связанная с современным информационным пространством и киберсредствами выхода в него, осуществления в нем необходимой человеку деятельности, которая все больше интегрируется в эту культуру и пространство, создавая простор для целенаправленного воздействия на информационные объекты.

Именно в таком контексте создаются и функционируют специализированные ИКТ, позволяющие человеку совершать действия в информационном пространстве, то есть цифровые сервисы. Понятие цифрового сервиса в широком смысле включает в себя большое множество цифровых продуктов, главным образом, предназначенных для повышения удобства пользователей и увеличения доступности различных услуг.

Цифровые сервисы включают предоставление услуг онлайн, платформенные решения, приложения, системы хранения данных. Они доступны в формате 24/7 при наличии «Интернет»-соединения, омниканальны. Развитие цифровых сервисов важно не только с точки зрения повышения удобства пользователя (хотя это их отличительная черта), но и для динамичного развития экономики, снижения транзакционных издержек, развития науки, технологий и производства, а также «цифровой зрелости» государства, поддержания критических объектов его инфраструктуры и цифрового суверенитета. Данный процесс тесно связан с научно-техническим прогрессом, который на современном этапе приобретает логику смены технологического уклада и дальнейшей индустриализации по модели НБИК-конвергенции и Четвертой промышленной революции (ЧИР). Нано-, био-, инфо- и когно-конвергенция строится вокруг синергетического объединения данных технологий в единый компонент на базе искусственного интеллекта. Подобные дискуссии находят свое отражение и в политике государств, вынужденных вместе с корпорациями как в определенной степени равноправными (по параметру владения и разработки) акторами искать новые пути решения современных вызовов в области информационного пространства.

Следовательно, государство и корпорации (бизнес) выступают ключевыми акторами, ответственными за создание и управление цифровыми сервисами.

Охарактеризовав контекст и определив ключевое понятие цифрового сервиса, перейдем к трактовке развития. Традиционно, развитие трактуется как необратимое, направленное и закономерное изменение материальных и идеальных объектов, в результате чего возникает их новое качественное и (или) количественное состояние, основанное на возникновении, преобразовании или исчезновении элементов и их связей (подразумевается усложнение системы) [14]. В контексте данного исследования оговоримся, что развитие представляет собой последовательную смену (динамику) состояний объекта, связанную с изменениями его структуры и приобретением других качеств на основе принятия решения в момент времени. Антитезой развитию будем считать процесс деградации, вызванный некорректными решениями или же упущением момента их своевременного принятия. В результате мы получаем совокупность последовательных изменений, приводящих к превращению, то есть трансформацию – характеристику динамического изменения состояний без привязки к положительному или отрицательному вектору, как в случае с развитием и деградацией.

Более предметно под развитием цифрового сервиса представляется оправданным понимать ряд мероприятий, в том числе создание (разработка, тестирование, ввод в опытную и промышленную эксплуатацию, аттестация сервиса) и его дальнейшее коммерческое или некоммерческое использование. Но такое понимание не учитывает обеспечивающую деятельность акторов по формированию более благоприятной среды для функционирования и дальнейшего совершенствования цифровых сервисов. В логику данных усилий укладывается субсидирование проектов государством или привлечение коммерческих инвестиций, различные льготы и формирование благоприятной цифровой и корпоративной среды, в том числе на основе запросов конечных потребителей.

В настоящее время, когда мир стал настолько взаимозависимым и вместе с тем политически турбулентным, государствам важно иметь собственную цифровую инфраструктуру и не зависеть от иностранных решений, что ярко иллюстрируется текущей международной обстановкой в контексте Украинского кризиса и нового витка торговых, а по сути, технологических войн между США и Китаем. Безусловно, добиваться полной цифровой автаркии – занятие тяжелое, неоднозначно рационализируемое и в определенной степени бессмысленное, но вместе с тем, развивать отечественные цифровые сервисы, начиная от предоставления государственных услуг и заканчивая сферой развлечений и коммуникации, является стратегически важным решением. Причем, последнее не менее важно для исследования политологов, чем первое.

В современном мире наблюдается деиерархизация вертикали власти, размытие государственного суверенитета, а также нарастающая конкуренция между государствами и различными типами акторов на мировой арене (главный вектор корпорации и государство). Большим ресурсным потенциалам обладают сетевые структуры и сетевые отношения, организованные по делезовскому

принципу корневища – **ризомы** [2]. В данном смысле харизматичные блогеры, имеющие миллионную аудиторию и способные вызывать эмпатию со стороны своих подписчиков, в случае если они рассуждают о социально-политических проблемах (от избрания президентом США Д. Трампа до неофашизма) оказывают влияние на политический дискурс [19], выступая альтернативой традиционным СМИ, а также на политический процесс (Арабская весна, фенмен военкоров в России, а также соцсети X в США).

Современные цифровые платформы типа TikTok, Twitter (1) и YouTube (1) обеспечивают мгновенный доступ к широкой аудитории и способствуют вирусному распространению контента. Так, лидеры мнений способны задавать повестку, по-разному влиять на общественные настроения, а также мобилизовать подписчиков на политическое участие: от голосования на выборах до выхода на улицы с протестами. В этой связи вопросы развития, регулирования и управления развитием цифровых сервисов становятся приоритетами для государства и корпораций.

В данной статье рассматриваются две модели развития цифровых сервисов: «китайская» и «российская». Они подходят в качестве предметов сравнения, ведь, с одной стороны, Россия и Китай выступают лидерами в развитии IT-индустрии, а также разрабатывают собственные, независимые от Запада цифровые решения, с другой стороны – основные импульсы и акценты в развитии цифровой отрасли в этих странах различны.

Типы цифровых сервисов. Говоря о классификации цифровых сервисов, можно условно поделить их на несколько типов в зависимости от **целей** их применения и использования:

1. Государственные цифровые сервисы, направленные на облегчение получения государственных услуг для граждан и организаций. Как правило, эти сервисы размещаются на государственных (правительственных), региональных или ведомственных сайтах, облачных платформах. Их использование позволяет гражданам и организациям быстро и доступно получать государственные услуги при помощи любых каналов связи, имеющих доступ в интернет (смартфон, ПК, планшет и т.д.) без посещения профильных ведомств, необходимости предоставлять комплект подготовленных документов в бумажном формате, значительно сокращая время пользователей, транзакционные издержки, минимизируя личный контакт чиновника и заявителя, тем самым сокращая возможность использования коррупционных схем.

2. Финансовые (FinTech) сервисы – сервисы, которые включают в себя различные направления, такие как мобильные платежи, онлайн-кредитование, инвестиционные платформы, управление личными финансами. Они меняют традиционную финансовую систему, предлагая более гибкие и удобные решения для пользователей и бизнеса. В сфере финтех для создания новых финансовых продуктов и услуг используются искусственный интеллект, блокчейн, большие данные и облачные вычисления. Это направление очень популярно в КНР.

3. Сервисы в сфере e-commerce – онлайн-платформы и технологии, которые позволяют пользователям покупать и продавать товары и услуги через интернет. Эти сервисы охватывают широкий спектр функций, включая маркетинг, логистику и управление запасами, предоставляют персонализированные рекомендации по покупкам.

4. Моносервисы в сфере развлечений – платформы или приложения, которые предлагают пользователям один вид контента или услуги в узкой нише. Они могут охватывать различные аспекты развлечений, включая музыку, фильмы, игры, книги и другие формы досуга. К ним относятся также различные стриминговые сервисы, например, Wink и Иви.

5. Мультисервисы – цифровые экосистемы – это сложные и комплексные проекты, которые позволяют получить различные виды услуг. Наиболее распространены в e-commerce и fintech. В Китае импульс был положен в 2000е годы, с развитием компаний Alibaba и Tencent, ставшими лидерами в своих сегментах. В России значительные изменения начались с развитием телекоммуникационных компаний, таких как «Яндекс» и Mail.ru, которые сформировали основу для цифровой экосистемы страны. Показательным примером является экосистема «Яндекс», которая предоставляет услуги такси, доставки продуктов и еды из ресторанов, маркетплейс, видео и музыкальный стриминг, сервис аренды жилья, бронирования путешествий, покупки билетов на культурные мероприятия, электронную почту, образовательную платформу и многое-многое другое.

6. Социальные сети и мессенджеры, изначально созданные для упрощения коммуникации между пользователями (физическими лицами) и в качестве средства корпоративного общения, постепенно трансформировались в отдельный вид экосистемных мультисервисов. При этом социальные сети чаще других цифровых сервисов выступают в качестве площадок для ведения блогов и субтитутуов традиционных СМИ (т.н. новые СМИ).

«Российская модель». В «российской модели» развития цифровых сервисов особую роль играет государство. Причем, государство действует в нескольких направлениях: 1) в качестве технического и функционального заказчика при заключении государственных контрактов на развитие государственных сервисов, информационных систем и IT-инфраструктуры, 2) предоставляет налоговые льготы для стартапов и инновационных компаний, налоговые каникулы для IT-компаний, льготные ипотеки для IT-специалистов, что значительно снижает финансовые риски для бизнеса и делает IT-сектор более привлекательным; 3) государство участвует в развитии инфраструктуры для IT-сектора, включая создание технопарков, инкубаторов и кластеров, которые способствуют обмену опытом и ресурсами между компаниями. Это создает экосистему, в которой инновации могут развиваться быстрее и эффективнее; 4) не последнюю роль играют и инвестиции государства в образование (создание цифровых кафедр в университетах, увеличение льготных мест для подготовки технических специалистов и кадров для IT-отрасли).

Однако для достижения максимального эффекта необходимо учитывать потребности бизнеса и адаптировать меры государственной поддержки к быстро меняющимся условиям рынка.

Таким образом, государство дает основной импульс цифровизации, выделяя для этих целей значительные средства госбюджета.

В России крупнейшей платформой, собравшей в себе огромный набор цифровых сервисов является Единый портал государственных и муниципальных услуг – «Госуслуги». На «Госуслугах» государство занимается разработкой как моносервисов, так и «суперсервисов». Моносервисы представляют собой специализированные сервисы, которые обеспечивают доступ к отдельным государственным услугам в удобном и упрощенном формате. Они позволяют гражданам быстро и легко получать необходимые услуги без необходимости посещать государственные учреждения [13. С. 455]. В качестве примеров приведем запись на прием к врачу, оплату налогов и штрафов ГИБДД.

«Суперсервисы» направлены на предоставление целого спектра услуг по комплексной жизненной ситуации в упрощенном порядке, без необходимости каждый раз подавать пакет документов [13. С. 456] Так, например, суперсервис «Рождение ребенка» при помощи подачи всего одного заявления позволяет зарегистрировать факт рождения в органах ЗАГС, не посещая его, получить пакет документов на ребенка: свидетельство о рождении, полис ОМС, СНИЛС, оформить регистрацию по месту жительства малыша, а родителям подскажет о всех положенных льготах, поможет оформить материнский капитал и иные меры социальной поддержки.

В последние годы ввиду накаливания международной ситуации в отношениях с Россией государство стремится контролировать доступ к социальным сетям и сервисам из сферы развлечений. Роскомнадзор активно блокирует доступ к иностранным ресурсам, которые не соответствуют российскому законодательству или представляют угрозу для национальной безопасности. Заблокированы Facebook (2), Instagram (2), Twitter (1), YouTube (1).

С одной стороны, это создает дополнительный стимул для развития отечественных платформ типа RuTube. С другой, эти меры не настолько эффективны: блокировки способствуют росту интереса к VPN-сервисам и другим инструментам обхода ограничений. И если Facebook (2) в России не так популярен и использовался россиянами в основном для международного общения, нишу для коммуникации внутри страны занимает в основном VK, то те пользователи, которые привыкли к Instagram (2) и YouTube (1), часто не желают отказываться от их использования ввиду отсутствия развитых отечественных альтернатив.

FinTech-сервисы в России достаточно хорошо развиты (хотя Китай в этом отношении, безусловно, лидирует), здесь основными игроками выступают крупные корпорации: БигБанки и БигТехи, основным регулятором – Банк России. В России активно используются системы быстрых платежей, оплата по биометрии (на личном примере испытано удобство оплаты проезда в метро через турникет

с FacePay, привязанный к социальной карте москвича), технологии распределения реестров – мастерчейн, маркетплейсы финансовых услуг.

Отдельной отличительной чертой «русской» модели развития сервисов является многообразие цифровых экосистем. С одной стороны, это олигополия, в которой нет места мелким и средним игрокам. С другой, стороны российские игроки соперничают и с западными (сервисы Google, Meta (признана в России экстремистской и запрещена) и между собой (Сбер, VK, Яндекс, Газпром-медиа, Ozon, X5 Retail Group, Альфа, МТС и т.д.). Стоит отметить, что и в России и Китае экосистемы во многом развиваются с помощью искусственного интеллекта, machine learning, накоплению персональных данных и обработке больших данных Big Data. В этом плане повышение удобства, с одной стороны, чревато тем, что эти компании могут знать о вас и ваших предпочтениях больше, чем родственники и друзья [4]. И вопрос безопасности персональных данных и утечки информации в целом приобретает новое звучание.

«Китайская» модель развития цифровых сервисов берет свои истоки в e-commerce и связана с именем предпринимателя Джека Ма и созданием им площадки Alibaba, открывшей доступ миллионам китайских производителей на зарубежные рынки [4]. Джек Ма не был первооткрывателем идеи маркетплейсов, которые существовали до этого в США, однако он первым приспособил эту идею для динамично развивающегося китайского рынка и открыл доступ в e-commerce для множества мелких и средних китайских производителей. Чуть позже Джек Ма создал Taobao – аналог сайта eBay, который стал настолько успешным, что eBay пришлось закрыть свой китайский филиал.

Развитие электронной коммерции в Китае как двигателя цифровизации трудно переоценить, ведь это позволило миллионам китайцев открыть свои небольшие магазинчики и повысить уровень доходов до уровня «средней зажиточности» [4]. Электронная коммерция также дала толчок для развития инноваций и электронных услуг. То есть, отчасти достижения «цели века» – мечты Дэна Сяопина о создании общества малого благоденствия **«сяокан»** (小康), стало возможным благодаря предприимчивости Ма Юаня. Ориентация на торговлю – это первая отличительная черта «китайской» модели.

Второй отличительной чертой является бурное развитие FinTech-сервисов. Здесь двигателем стала компания Tencent, интегрировавшая систему электронных платежей в мессенджер WeChat (**Wēixìn**), которым пользуется буквально все население Китая [4]. Wechat представляет собой цифровую экосистему, в которой помимо обмена текстовыми, голосовыми и видео-сообщениями, возможно заказать такси, еду на дом, купить товары в магазине и т.д. Интеграция WechatPay позволяет покупать услуги и товары буквально в один клик, мгновенно. Только за одну ночь Китайского Нового года в 2016 году через WechatPay было проведено больше транзакций, чем через PayPal за весь 2015 год. Alibaba Group также создали сервис Alipay. Распространение этих финансовых сервисов позволило стать продавцом буквально любому желающему, ведь для проведения транзакций не нужен терминал или картридер, достаточно просто иметь

аккаунт в мессенджере Wechat [4]. Абсолютное большинство транзакций в Китае (87%) осуществляется с помощью мобильных платежей, даже бедные просят милостыню на улицах с помощью QR-кодов [4].

Третья черта «китайской» модели – развитие альтернативных аналоговых сервисов. В России в последние годы тоже ведутся подобными эксперименты (RuTube вместо YouTube). Однако в КНР к этому пришли относительно давно. Причина проста – не допустить критики компартии и китайского руководства, не затрагивать чувствительные для руководства страны темы типа Тяньаньмэня, Тайваня (ставить под вопрос целостность и территориальные границы государства вообще), прав уйгуров [3]. Так, рассматривая модель развития цифровых сервисов в Китае, невозможно ненадолго не остановиться на теме цензуры.

Китайская цензура – одна из самых спекулятивных тем в обсуждении этой страны. Часто Китай называют «цифровым концлагерем». И хотя с одной стороны, нет дыма без огня, и с точки зрения методов цифрового контроля Китай находится в авангарде стран, с другой – китайцы с особенным для них менталитетом спокойно принимают эти правила и сами следят за тем, чтобы они не нарушались [3].

Говоря о цензуре в Китае, важно вспомнить, к какому эффекту привела политика гласности и ослабления цензуры с резкой критикой действий предыдущих властей в позднем СССР [23. С. 34] и тот факт, что Китай очень внимательно изучал и продолжает изучать политико-социальные трансформации, имевшие место в Советском Союзе, и опыт его распада. Стоит помнить и про то, что ряд «цветных революций», в том числе «Арабская весна», приведшая к целой серии государственных переворотов в арабских странах, была организована с помощью Facebook (2). И хотя на заблокированных в Китае площадках можно найти множество полезной информации, США, являющееся владельцем этих ресурсов и открыто называющее Китай опасной угрозой в стратегиях своей национальной безопасности, может умело их использовать для еще одной славной цветной революции. И, скорее всего, китайские лидеры это понимают.

В Китае заблокирован Google, YouTube (1), Twitter (1) (ныне X), Instagram (2), Facebook (2). Однако к каждой сети и каждому сервису есть свои китайские аналоги, которые, во-первых, для китайцев понятнее и удобнее, во-вторых, больше подходят под особенности восприятия: все движется и мигает [4]. Например, вместо YouTube используется Bilibili, а вместо Instagram – Weibo и Xiaohongshu. При желании – в Китае также существует VPN, хотя его использование затруднено и находится в «серой» зоне [4], политика закручивания гаек в этой области идет с 2017 года (большинство VPN-пользователей – работающие в Китае иностранцы, а также китайцы, работающие на зарубежные компании). Но дипломаты и чиновники используют его для ведения полемики в Twitter (1).

Заключение. Таким образом, «российская» модель развития цифровых сервисов ведома государством, поддерживается им при сохранении важной роли крупных корпоративных игроков. Для улучшения цифровой инфраструктуры в России необходимо увеличить инвестиции в разработку отечественных

технологий, а также на программы импортозамещения зарубежного программного обеспечения, что в условиях ограниченности государственного бюджета не так просто реализовать. В настоящее время, на фоне общей геополитической нестабильности можно констатировать тот факт, что у государства есть более первоочередные задачи, чем цифровизация, что становится видным ввиду постепенного сокращения бюджета, выделяемого на цифровую трансформацию. Вместе с тем, это все еще важный и актуальный тренд, который по-прежнему поддерживается и стимулируется, просто скорость цифровизации в России временно снизилась. Вместе с тем, коммерческие структуры все также активно развивают цифровые сервисы для развития собственного бизнеса.

«Китайская» модель ведома бизнесом, но даже в большей степени, чем в России, контролируется государством и поддерживается им. Она направлена на развитие аналоговых сервисов – альтернативе западных платформ. В Китае государство целенаправленно инвестирует в информационные технологии, цифровую экономики, создание необходимой нормативно-правовой базы, что не только способствует росту китайского IT-сектора, но и позволяет эффективно регулировать деятельность компаний, работающих в данной области. Одним из основных направлений государственной политики в КНР является создание и поддержание благоприятной инновационной экосистемы. Это, в свою очередь, предоставляет банкам и финтех-компаниям возможность активно разрабатывать и внедрять новые технологические решения, что способствует общему прогрессу в сфере цифровых услуг и продуктов [1. С. 28].

Крупный бизнес в Китае также является важным партнером государства, находящимся в подчиненном по отношению к последнему положении. Сотрудничество с государством позволяет китайским IT-гигантам снизить политические риски внутри страны.

Основные факторы, влияющие на эффективность цифровых сервисов в обеих странах, включают государственную поддержку, инновационную среду и доступность инфраструктуры. Эти аспекты формируют условия для развития и адаптации цифровых технологий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) В Российской Федерации заблокирована Роскомнадзором.
- (2) Относится к компании Meta, признанной в РФ экстремистской, запрещенной организацией *Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный сайт Минюста России // <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.** «Постправда» как проявление «разрушения правды»: новый вектор политико-коммуникационных исследований // Современные СМИ и медиарынок: Сб. науч. трудов в честь М.Б. Ротановой. СПб.: Санкт-Петербург. гос. экон. ун-т, 2020. Т. 2.
2. **Делез Ж.** Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
3. **Зуенко И.Ю.** Так ли страшна китайская цензура, как нам ее малюют? // Профиль. 16.04.2023 // <https://profile.ru/abroad/tak-li-strashna-kitajskaya-cenzura-kak-nam-ee-maljujut-1297527>.
4. **Зуенко И.Ю.** Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ.
5. **Иванов А.А.** Построение китайской системы информационного контроля внутреннего интернета и роль иностранных IT-корпораций в этом процессе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
6. **Каримов Э.Р.** Трансформация публичной политики в эпоху цифровизации: концептуальный анализ // Вопросы политологии. 2024. № 10.
7. **Ковальчук А.Г., Цыбаков Д.Л.** Цифровые платформы участия граждан в региональном управлении: компаративный анализ российских практик и оценка эффективности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 11.
8. **Ковригин Д.Э.** Применение теории полей для анализа взаимодействия государства и бизнеса в российском сегменте киберпространства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 7.
9. **Колесников А.И.** Технократическая легитимация и цифровизация в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 7.
10. **Кубанцева Е.В.** Динамика цифрового доминирования: роль больших данных в усилении глобальной зависимости // Вопросы политологии. 2025. № 4.
11. **Ло Дунмэй, Ян Бо.** Российско-китайское сотрудничество в области кибербезопасности в XXI веке: возможности и вызовы // Вопросы политологии. 2023. № 11-2.
12. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Информационная политика государства: современные вызовы и направления совершенствования (Часть 1) // Вопросы политологии. 2025. № 1.
13. **Мирошниченко М.А., Городничая Д.И., Хейшхо М.Ю.** Государство как платформа: к чему идет цифровая трансформация госуправления // Вестник Академии знаний. 2023. № 2 (55) // <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-platforma-k-chemu-idet-tsifrovaya-transformatsiya-gosupravleniya>.
14. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Москва: Мысль, 2000-2001.

15. **Пин Фэн, Зайнуллин С.Б.** Риски и меры противодействия цифровой трансформации предприятия в современном мире // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
16. **Саадулаева П.И.** Гражданский контроль формирования общественного мнения в политике на платформах интернет-СМИ // Вопросы политологии. 2024. № 8.
17. **Славова Н.А., Новосельский С.О., Алеева С.С., Марухленко А.Л., Генералов Р.О.** Организационно-правовые аспекты политики цифровой трансформации государственного управления // Вопросы политологии. 2024. № 10.
18. **Сурма И.В.** Вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта как универсального инструмента социально-политической и экономической трансформации современного общества // Вопросы политологии. 2024. № 6.
19. **Торкунов А.В., Гаман-Голутвина О.В.** Современная политология // Собрались мыслями. 06.02.2025 // <https://www.1tv.ru/podcasts/sobralis-s-myslyami/vypuski/sobralis-myslyami-sovremennaya-politologiya-vypusk-ot-06-02-2025>.
20. **Форов И.Н.** Государственная политика в области развития информационных технологий в период санкций // Вопросы политологии. 2024. № 10.
21. **Чертороев Д.А.** Общественно значимое интернет-пространство как следующий этап цифровизации взаимодействия государства и общества // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
22. **Юань Чэньчжао, Цянь Чэнь, Бычков А.А.** Исследование и перспективы цифровой трансформации государственного управления // Вопросы политологии. 2024. № 5.
23. **Юрчак А.** Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

L.I. KABIROVA

Postgraduate Student, Department
of Comparative Political Science, MGIMO University,
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8157-4713

S.S. KUZNETSOV

Expert, Department of Diplomacy
MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

DIGITAL SERVICES DEVELOPMENT MODELS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Digital services are becoming particularly important in the context of the digital transformation policy adopted in China and Russia. In this regard, it is important to analyze the features of digital services development models in both countries, to understand the role of the state and private structures. The purpose of this work is to compare the «Chinese» and «Russian» models of digital services development, to identify their distinctive features and prospects. The methodological foundations of the research include neo-institutional and civilizational approaches. A comprehensive analysis of the political, economic and cultural factors influencing the development model of digital services will not only improve the efficiency of digital technology implementation, but also create a sustainable basis for their further development within the global digital economy.

Key words: digital services, digital ecosystems, Chinese model, import substitution in Russia, Alibaba, WeChat, Yandex, «Gosuslugi», digitalization.